

А. Я. Вышинский.

Вопросы распределения

И

Революция.

„НОВАЯ МОСКВА“.

1922 г.

Я. Я. Вышинский.

Вопросы распределения

и

Революция.

МОСКВА.
1922 г.

Главлит, № 2302, Москва.

Тираж 1000.

Э я типография М. С. Н. Х. „Мосполиграф“. Малая Грузинская, Охотничий пер., д. 5/7.

Пять лет пролетарской революции, ознаменовавшейся величайшим напряжением сил и энергии трудящихся масс Советской Российской Республики, борющейся с бесчисленными препятствиями на пути сначала к завоеванию, а затем—к упрочению своей власти, едва ли более памятливы и замечательны в какой-либо другой области, чем в области продовольственной.

Только военная история будет писаться более живыми, сочными и яркими красками; только история боевых подвигов и военных побед молодых красных армий будет читаться и слушаться с большим удивлением перед пролетарским героизмом, с большим благоговением перед ратными страданиями защитников пролетарско-крестьянского отечества.

Все остальное, что мы пережили и перестрадали в других областях, бледнеет и тускнеет пред грандиозностью свершенного на продовольственном фронте.

И когда мы говорим о продовольственной работе, как о фронте, тут нет ни иносказания, ни преувеличения. Свою продовольственную историю мы так же, как и военную, пишем собственной кровью. Каждая страница этой истории связана с неизмеримыми страданиями—и это одинаково как там, где заготавливалось и собиралось продовольствие, так и там, где оно расходовалось и распределялось.

Вся продовольственная работа и продовольственная политика минувшего пятилетия в этом отношении самым точным образом отображают в себе все те особенности, какими характеризуется и отличается и вся общая политика.

Продовольственное дело, поэтому, следовало шаг за шагом за общим развитием всего дела революции, проходило рука об руку с ним все его этапы, претерпевало все его перипетии и изменения.

Больше того. Продовольствие в течение всех этих пяти лет являлось самым чувствительным нервом революции—не даром же контр-революция стремилась бить нас по этим двум основным линиям: армии и продовольствию. Недаром же и наши победы, одерживавшиеся воинами и продовольственниками, были нашими лучшими и самыми блестящими победами.

Не легко и не без поражений давались нам эти победы. Часто мы шли с шипеньем и избирали неверные дороги и даже вовсе сбивались с пути: ведь в наших руках не было проверенного в исторической лаборатории компаса. Наши ошибки, однако, учили нас лучше всякой другой школы, приучая нас к более правильной ориентировке в окружающем и предохраняя от ошибок в будущем.

Пять лет—ничтожный срок в жизни и, особенно, в ее революционном беге. Но и эти пять лет, при всей незначительности своего исторического масштаба, дают право не только просто оглянуться назад, но и подвести пройденным этапам итоги, оценить их, раскрыть исторический смысл, присущий им, и всмотреться в будущее сквозь призму многогранного опыта—результата и достояния пережитого.

I.

Продовольственное дело упирается в жизнь двумя своими концами—заготовкой и распределением. Поэтому-то распределение всегда связано с судьбой заготовительной работы.

Первый период продробы характеризуется монополией и строжайшей регламентацией.

С 1917 г. по март 1921 г. все дело заготовки продовольственных продуктов является исключительно государственным делом. Последовательно и прямолинейно проводимая государственная монополия на предметы питания и первой необходимости характеризует все направление хозяйственной политики Рабоче-Крестьянского государства вообще, и продовольственно-заготовительной политики, в частности.

В области распределения в этот период первого советского пятилетия мы встречаем черты и особенности, прямо обусловленные принципами обще-хозяйственной и продовольственно-заготовительной политики.

Государство является в это время не только монополистом в деле заготовок продовольствия, но и монополистом в деле распределения и снабжения.

Все снабжаются государством, берущим на себя, таким образом, функции всеобщего кухмистра: распределенческие и снабженческие органы государства объявляют себя единственно полномочными в этой области, устанавливают порядок, очереди, нормы снабжения, регламентируют и регулируют всенародное питание и снабжение предметами первой необходимости.

Эта связь между заготовительной и распределенческой областями работы была так велика, что первоначально они даже не различались: ведь до февраля 1919 г. не существовало управления распределения, а его функции целиком отправлялись управлением заготовок. Но и после организационного обособления этих областей они, что совершенно естественно, остаются теснейшим образом связанными друг с другом, постоянно влияя друг на друга.

В марте 1921 г. государство отказывается от монополии в области заготовительного хозяйства, и тотчас же радикально перестраивается все дело распределения, ищущее и усваивающее себе новые принципы и новые, соответствующие им, формы распределения и снабжения.

Системе, монополии и развертки в области заготовок соответствовала система неограниченно-собезного снабжения в области распределения.

Системе, так называемой, свободы торговли и налога соответствует система ограниченно-производственного снабжения.

И чем дальше идет государство в первом направлении, тем более глубокие изменения претерпевает его работа и во втором.

И если правильно — а мы, именно, так и думаем, рассматривать историю нашего продовольственного дела в отношении заготовительной работы по этим двум, так сказать, эпохам: а) *эпоха монополии* (в области идеологической, в области принципов продовольственной политики) и *развертки* (в области методологической, в области системы работы) и б) *эпохи налога*, то и в сфере распределенческой работы можно держаться этого же самого деления, с изменением, конечно, номенклатуры соответственно предмету исследования.

Однако, и первая и вторая эпохи в распределенческой истории представляют собой весьма сложную картину пестрых и своеобразных явлений требующих самостоятельной аналитической работы и становящихся понятными лишь в связи с рассмотрением тех общественно—политических событий и отношений, на фоне которых они обозначаются.

Первый период. 1918—1919 годы—первые годы организованного снабжения.

Распределенческая работа начинает слагаться в систему или, вернее, начинает усваивать стремление сложиться в систему лишь с осени 1918 года.

Это стремление проявилось почти одновременно и на местах, и в центре и сохранилось в виде документов, являющихся первыми памятниками исторического значения. Мы говорим о двух обязательных постановлениях Московского и Петроградского Советов (августа 1918 г.), с одной стороны, и приказе Наркомпрод № 79 (октябрь 1918 г.), с другой.

Все три документа обнаруживают ясное стремление их авторов покончить с неопределенностью, неясностью, хаотичностью и случайностью, господствовавшими до того в области снабжения и распределения как в отношении круга потребителей, так и норм и порядка их удовлетворения.

Особенно интересны обязательные постановления Московского и Петроградского Советов—интересны тем, что они впервые устанавливают и принципы и терминологию, которые впоследствии тапочно утвердились и оказались так же популярны, как оказалась популярна сама октябрьская революция.

Московский и Петроградский Советы этими постановлениями выдвинули идею, так называемого, классового пайка, положив, таким образом, начало тому направлению распределенческой политики, которое дышало совершенно новыми, классовыми, пролетарски-революционными идеями.

Характеризуя эти идеи, автор этих строк на Первом Всероссийском совещании распродов I—4 ноября 1919 г. говорил следующее: „Ныне (в деле распределения) не приходится руководствоваться общечеловеческим принципом справедливого уравнения. Справедливое уравнение мы понимаем совсем не так, как это понимает, напр., Германская или Австрийская карточная система. В этот принцип нужно внести новое содержание, которое диктуется сущностью социалистического строительства и сущностью хозяйственно-экономической политики, которая должна здесь проводиться. В давний момент, при тех обстоятельствах, какие переживаем мы сейчас, приходится говорить о том, что не принцип уравнения играет решающую роль, а принцип обеспечения трудящихся, интересы которых оказываются доминирующими. Мы переходим от принципа уравнительного распределения к принципу *классового распределения*. Он является выражением высшей справедливости, ибо справедливым оказывается накормить того, кто поставлен в худшие условия и кто требует во имя государственного строительства наибольшей заботы о себе со стороны государства“ . . .

Эта цитата из протоколов совещания, происходившего четыре года тому назад, в буквальной точности воскрешает в нашем представлении дух и идеи, господствовавшие в первый период нашей продовольственно-распределенческой деятельности.

Рабочий класс во главе трудящихся масс только что совершил свою революцию, сбив с командных высот и феодализм, и буржуазию сразу и почти одновременно. Но разбитый и обращенный в бегство враг пытается закрепиться на новых позициях, пытается бороться, пытается взять верх.

Его нужно бить и бить. Без устали и без пощады. Борьба от баррикады переходит на рынок. Кулец и капиталист блокируют население, срывают государственные мероприятия, взрывают их саботажем и жульничеством, спекуляцией и изменой. Продовольственный кризис, заостренный со всех концов, всеми острями своими вонзается в тело рабочего класса, в бессилии повесившего от голода свои руки, как плети.

Вот обстановка, в которой давать продовольствие всем поровну относительно к социальному положению потребителей значило бы совершать преступление, самоубийство.

Пролетариат, низвергающий господствующие классы и далекий от какого бы то ни было намёка на самоубийство, выходит из положения, создавая свою пролетарскую систему распределения, систему, так называемого, классового пайка.

Первый параграф обязательного постановления Президиума Продовольственного отдела Московского Совета так и говорит: „С сентября 1918 г. вводятся новые хлебные и продовольственные карточки на основе классового деления населения г. Москвы на 4 категории („классовый паек“)“.

Основные черты системы классового пайка, помимо принципов, очерченных выше, сводятся к делению всех граждан на категории соответственно их социальному положению, с тем, что рабочие тяжелого труда зачисляются в высшую категорию и получают более высокую норму пайкового снабжения, рабочие менее тяжелого труда—зачисляются в менее привилегированную в отношении снабжения категорию и так далее, вплоть до нетрудовых элементов, зачисляемых в низшие категории и получающих самый низкий по сравнению с высшими категориями паек.

Надо, однако, сказать, что классового характера в собственном и действительном смысле этого слова ни система Московского Совета, ни Петроградского, ни какого-либо другого далеко не выдерживала.

Так, напр., Московская система, разбившая все население на 4 категории, и отнесшая к 1 категории рабочих, работающих в особо тяжелых условиях труда, относила к этой же категории и матерей, кормящих детей грудью, кормилиц, беременных женщин с 5 месяца беременности. Вместе с рабочими просто тяжелого труда, этой же системой отнеслись ко 2 категории и женщины-хозяйки, с семьей не менее 4 человек, при условии отсутствия в семье прислуги.

Жена спекулянта и мародера получала при наличии указанных выше условий такое же право и на такой же паек, как и в подземельи шахт работающий пролетарий. Здесь, очевидно, классовая точка зрения не выдерживается до конца и уступает гуманитарным и филантропическим побуждениям. Если, впрочем, принять во внимание, что гуманность — настоящая, человеческая гуманность является чертой, свойственной собственно говоря, исключительно лишь рабочему классу, то такая система, действительно, вполне классовая система.

Классовый паек, таким образом, был господствующей формой распределения в описываемый период. Этой системы придерживались все губернии и все продорганы.

Не едва ли можно было найти два положения о классовом пайке сходных и однородных, хотя бы в основных положениях. Увы, здесь господствовали невероятная путаница, бесконечные условности, а зачастую и прямо ничем не оправдываемые несуразности.

Под флагом „классового пайка“ в распределительскую работу проникали явления, ничего общего с классовым принципом не имеющие, но объясняющиеся совершенно случайными обстоятельствами.

Как на примеры, можно сослаться на т. н. классовые системы, практиковавшиеся в 1918—1919 годах в Могилевской, Нижегородской и Тверской губерниях.

В первой из них система классового пайка, состоявшая из трех категорий, в первую категорию включала сельских хозяев, сдавших добровольно излишки своего хозяйства; в третью же категорию тех, которые излишков этих добровольно не сдали. И это называлось „классовым“ распределением, хотя эта система ничего общего с классовым подходом не имела. Могилевцы долго, однако, недоумевали, когда их система подвергалась критике, за что же их собственно критикуют...

В Нижегородской губ. такая же „классовость“ приводила к тому, что ко второй категории причислялись духовные лица свыше 50-летнего возраста, к первой—ремесленники, работающие без подмастерьев, а к третьей—работающие с подмастерьями. Таким образом, сапожник, ютящийся в гнилом подвале с тремя мальчуганами, был отнесен к третьей категории, т. е. получал $\frac{1}{8}$ ф. хлеба, ювелир с магазином с зеркальными окнами — к первой, с $\frac{3}{4}$ фунта, а какой-нибудь отец протоиерей—ко второй, с $\frac{1}{2}$ фунтовым пайком в день.

Тверскую систему „классового пайка“ следует упомянуть не только со стороны довольно оригинальных представлений тверичан о классовых категориях, но и со стороны исключительной оригинальности внешней формы изложения, являющейся интереснейшим памятником наивно-юношеской революционности этого периода.

Тверская система „классового пайка“ состоит из 4 категорий. К первым двум отнесены рабочие и служащие, к третьей и четвертой—нетрудовые элементы, при чем, однако, тверские продовольственники создают—не во имя ли классового расслоения?—разницу в снабжении тех и других, одинаково, впрочем, признаваемых „лодырями“.

К третьей категории в 1918 г. в Твери принадлежали: священники, дьяконы, дьячки, монахи, монахини и все—я привожу это постановление текстуально—„не имеющие определенных занятий лодыри, не работающие, а живущие на средства мамаш, папаш, тетюшек, дядюшек, домашние хозяйки, кои не имеют прислуг (sic!), и хозяйки малосемейные, средние торговцы, богатые домохозяева, все бывшие чиновничество, ничего не делающее!..“

Кажется, всех перебрали и всех смешали в одну кучу—и богатых домохозяев, и бывших чиновников, и лодырей, и малосемейных хозяек; и домашних хозяек... Но вот стряпается еще одна, четвертая категория: „протоиереи, архиереи, епископы, владыки, матери-игуменьи, купцы, акционеры, биржевики, фабриканты, заводчики и их сынки и дочки, ничем не занимающиеся, а также их хозяйки, имеющие мамку, няньку или прислугу“...

Оказывается, что в 3 категории находятся лодыри „ничего не делающие“, а в 4 категории—лодыри „ничем не занимающиеся“...

Вот какие узоры курьезов разрисовывала революция на потных окнах провинциальной обывательщины....

Сумбурность и спутанность задач и целей достигала анекдотических размеров, сбивала с толку и исключала возможность какой-нибудь планомерной и осмысленной работы.

Даже в таких губерниях, как Петроградская, наблюдалась путаница понятий и полное отсутствие сколько-нибудь ясного представления о принципах и сущности классового пайка. Питер, напр., отнесил по губернии ко 2 категории просто на-просто „все городское и сельское население“ ..

Конечно, только полный невежда может изумляться или негодовать по поводу подобного положения вещей. Вдумчивому наблюдателю, нелишённому исторической перспективы, легко понять и оправдать эту сумятицу, когда он вспомнит, что ведь это было в эпоху первой стройки нового государственного и общественного быта. Такую сумятицу и неразбириху, как в детском возрасте корь, должно пережить всякое складывающееся и растущее государство.

Эту болезнь пережило наше государство и в распределенческой области, уже к концу 18 года ощущавшей необходимость выйти из этого состояния хаоса и бессистемности.

Одной из первых попыток этого рода и явился приказ за № 79, датированный октябрём 1918 года, стремившийся об'единить и систематизировать дело распределения в обще-республиканском масштабе.

Приказ № 79 устанавливал четыре твердых группы потребителей: 1) рабочие особо тяжелого труда; 2) рабочие других категорий, ответственные служащие и служащие некоторых Наркоматов (НКПТ, НКПС), ремесленники и беременные и кормящие грудью женщины; 3) прочие служащие, учащиеся, семьи рабочих и служащих 1 и 2 категории, сельское население, не имеющее собственных запасов; 4) остальное население. Месячные нормы потребления для этих групп устанавливались в 36 ф., 25 ф., 18 ф. и 12 ф.

Ни ясности, ни точности квалификации этот приказ, однако, не создал. Путаница продолжала господствовать и дальше. Единственное достижение, приказом № 79 осуществленное, было единообразие норм, устанавливаемых для всей Республики и „в отмену всех ранее изданных постановлений“. Но, как это мы увидим дальше, это достоинство было весьма относительным, ибо единство и твердость норм, фиксированных центром, вскоре оказались чрезвычайно связывающими местную инициативу, благодаря чему пришлось спешить с выработкой новой системы, больше отвечающей требованиям жизни. Но только в мае 1919 г. удалось сделать первые шаги по направлению к окончательному урегулированию подобного положения вещей, к каковому времени относится окончание подготовительных работ, намечавших в этой области коренную реформу. Эта реформа назрела в высшей степени и одинаково ожидалась всеми и продовольственниками, и хозяйственниками, и печатью.

„Собранный Инструкторским отделом материал показал, писала „Эконом. Жизнь“ в № 104 от 16 мая 1919 года, всю ненормальность проведения на местах карточной системы. С одной стороны, здесь наблюдается чрезвычайное многообразие и отсутствие существа принципов деления городского населения на категории, с другой — беспомощность местных предорганов в отношении распределения продовольствия, среди крестьянского населения, особенно голодающих районов“. И газета была права, ибо все это было живой правдой, как и то бесконечное множество совершенно случайных и произвольных действий местных предорганов, которые рождались подобным положением дела.

Другим коренным недостатком действовавшей в это время системы было господство, так называемых, цеховых предрассудков, благодаря которым отдельные группы пролетариата, как, напр., железнодорожники, главлесхозовцы, комгосхозовцы и т. п., ставились в продовольственном отношении в более привилегированное по сравнению со всем пролетариатом положение. Все это вызывало массу раздражения и недовольства. С этим нужно было покончить и, чем скорее, тем лучше.

Подготавливаемый Управлением Распределения декрет о едином классовом пайке и ставил своей целью покончить с этим, стремясь к уничтожению произвольности и случайной привилегированности, с одной стороны, и к систематизации и сведению к точности и единству норм, и порядка классового распределения, с другой

„Создавая декрет об едином классовом пайке, мы имеем в виду, говорили мы в 1919 году, обсудить вопросы в двух плоскостях: во-первых, мы хотим уничтожить какие-бы то ни было привилегированные группы; мы хотим, чтобы внутри пролетариата, внутри боевого авангарда трудящихся, которые завсезнали власть, были разобраны все перегородки, вызывающие внутреннюю борьбу, ненависть и конкуренцию; а с другой стороны, мы хотим поставить нашу систему распределения так, чтобы она, начиная от центра и кончая самыми глухими уездными городами и даже селами и поселками, носила единый, однообразный характер, — систему, которая исключала бы какую бы то ни было возможность повторения таких несоразмерностей, которые теперь постоянно можно наблюдать в нашей жизни“.

Именно, следуя этой основной своей задаче, проект декрета о едином класс-пайке предполагал ввести однообразное разделение городского населения на три категории. К первым двум категориям относились лица физического (к 1 кат.) и интеллигентного труда, учащиеся, дети от 1 до 16 лет и члены семей, отнесенных к 1 кат. (ко 2 кат.).

В отношении сельского населения этот проект декрета устанавливал 2 категории.

К 1 кат. отнесены были сельские рабочие, ко 2 категории лично—работающие сельские хозяева, при чем этих последних на время полевых работ также предполагалось переводить в первую категорию.

Обособностью декрета об едином классовом пайке, помимо единообразия категорий, должно было явиться еще и то, что нормы снабжения, в противоположность приказу № 79, не были твердо фиксированными.

Вместо раз навсегда и для всей Республики установленных норм в 36, 25, 18 и 12 фунтов, как это было установлено приказом № 79, в проекте декрета об едином классовом пайке устанавливалось лишь пропорциональное соотношение между отдельным категориям с условным и разнообразным фактическим содержанием.

Предметы продовольствия подлежали распределению между 1, 2 и 3 категориями в отношении 3 : 2 : 1 для горожан и 2 : 1 для сельских жителей.

Такой системой подвижности и эластичности предполагалось достигнуть необходимой и удовлетворяющей чувствам классовой справедливости пропорциональности, требующей для каждой категории соответствующих снижений или повышений уровня снабжения, в зависимости от местных продовольственных условий.

Наконец, все дело распределения технически имелось в виду осуществить через единообразную карточную систему по изготовляемым в центре продовольственным карточкам.

Однако, это стремление к однообразию и уравнительности осуществить в той форме, в какой это предполагалось проектом декрета об едином классовом пайке, не удалось.

Условия воинного времени и самоотверженная борьба, которую вели трудящиеся Советской Республики под знаменами Красной Армии с внутренней и интервенционистской контр-революцией требовали исключительных мер по обеспечению семейств красноармейцев, дравшихся на фронтах, и, таким образом, отрицали единство и уравнительность.

Именно в целях обеспечения семей красноармейцев и был издан 20-го августа 1919 года декрет о „Красной Звезде“, ставшей впоследствии такой популярной в массах крестьянского и городского населения и оказавшей такие неоцененные услуги делу революции.

В силу этого декрета в 20 губерниях внутренней России, Москве и Петрограде каждый нетрудоспособный член красноармейской семьи получал право на дополнительный паек мукой (6 ф. в мес.), солью и сахаром (по $\frac{1}{2}$).

Позже (декретом 20 октября 1919 г.) „Красная Звезда“ была распространена и на семейства лиц командного состава, до командира полка включительно. Круг лиц, на которых распространяла свое действие „Красная Звезда“, в позднейшие месяцы все более и более расширялся, и к концу 1920 г. ею пользовалось свыше 3 милл. человек с потребностью в 476 вагонов хлеба ежемесячно.

Но не только „Красная Звезда“, устанавливавшая исключительный порядок снабжения и дополнительные продовольственные льготы, служила отрицанием того единства норм и порядка снабжения, к которому стремилось продовольственное законодательство Республики в 1919 году.

Тяжелое продовольственное положение Республики, особенно тягостно отражавшееся на трудящихся вообще и фабрично-заводском пролетариате.

в частности, разрушительно действовавшее на промышленность и выбивавшее хозяйство из колеи, требовало исключительного внимания, исключительных мер. И в этой области вопрос уже шел не об отточенности форм и стройности порядка снабжения, распространяющего свои благотворительные свойства на все население в целом. Вопрос шел о том, чтобы выделением из общей массы определенных и весьма ограниченных—этого требовали ресурсы государства—групп трудящихся спасти захлестываемый бурными волнами разрухи корабль промышленности.

Вот почему, несмотря на все теоретические и программные рассуждения, принципы и положения, протестующие против „привилегий“, „цеховщины“ и т. п., несмотря на все усилия отменить и уничтожить различия и сгладить неравенства, жизнь упорно отстаивала их, а если уступала, то лишь после упорных и тяжелых сопротивлений. Вот почему продолжали существовать и оставаться в полной силе разнообразные и многочисленные нормы снабжения, в некоторые периоды этого года исчислявшиеся десятками — к началу 1920 г. таких норм можно было насчитать до тридцати.

Существовали, напр., особые „бронированные“ нормы профазтопа—для рабочих фабрич. завод. и топливных организаций, особые железнодорож. нормы; особые—для рабочих шерстяной промышленности; одна норма для строительных рабочих, другие—для рабочих Каширского строительства; особые нормы для медперсонала; потом целая куча для Оскома, для рабочих горячих цехов, для затонщиков и т. д. и т. д.

Все эти нормы подвергались различным изменениям, дополнениям, исправлениям со стороны специального органа, учрежденного постановлением Совета Народных Комиссаров от 15 ноября 1919 г. в лице Комиссии по Рабочему Снабжению.

Вследствии, 5 марта 1920 г. этой Комиссии и только ей было предоставлено исключительное право разрешать все вопросы, связанные с переводом рабочих на усиленное снабжение, а спустя два месяца (18 мая 1920 г.) и все вопросы, связанные с размером норм снабжения.

Однако, при тридцати нормах, скачущих и прыгающих в бестолковой чехарде, нельзя было ни организовать хозяйства, ни бороться с царившим здесь разложением. Дело было, действительно, чрезвычайно запутанно, ибо нормы бронированного и небронированного снабжения находились в постоянных столкновениях не только между собой, но и внутри каждой из них.

Между тем, число „бронированных“ потребителей упорно росло. В декабре 1919 г. бронировалось 642 тыс. чел. по девяти отраслям промышленности, находившимся в ведении ВСНХ и Промвоенсовета. Но уже в январе 1920 г. к ним были добавлены две новые группы: печатники и Наркомпочтель (+ 108 т. чел.). К октябрю этого года эта цифра уже возросла до 1.250 т. ч., а к октябрю 1921 г. она достигла кульминационной своей точки, дойдя до 3.763 тыс. челов. Началась упорная и кропотливая работа по упрощению и систематизации норм, нашедшая свое выражение в ряде декретов—14 января 1920 г. и 24 января 1920 г. (установлена основная норма и к ней 4 добавочных, называвшихся „усиленными“—№ 1, № 2, № 3 и № 4), которыми были уничтожены 30 норм и заменены лишь пятью. Шестикратное, так сказать, упрощение!..

Декрет 24 января 1920 г., действительно, внес в дело снабжения серьезное упрощение, решительно отменив все другие нормы, кем бы и в каком бы порядке они не были установлены. Это имело еще и то значение, что таким образом пресекалась всякая возможность создавать „местные нормы“, практиковавшиеся весьма усердно и губиродками, и губпродсовета-ниями, губисполкомами, и губпрофсовета, и пр., и пр..

Новым прозвучало в декрете 24 января 1920 г. указание на *личную*

ответственность за нарушение постановлений этого декрета, возлагаемую персонально на члена коллегии губпродкома, ведающего губраспредом.

Характеризуя метод бронированного снабжения, необходимо отметить, что вырос он из военно оперативных заданий боевого, ударного значения, первоначально имея в виду лишь небольшую группу рабочих всенной промышленности, охватывавшую не более 200 т. чел. (Тульские оружпатр. ма стерские, Подольский снаряжат. завод, Симбирск. патрон. завод и др.) и ничтожную горсточку гражданской промышленности (ок. 38 т. чел.). Вот почему в свой начальный период бронированное снабжение носило название „военного снабжения“. Однако, вскоре оно потеряло свое первенствующее значение, уступив место другим отраслям промышленности: в октябре 1920 г. из 1½ милл. рабочих бронированного снабжения на долю военных заводов уже приходилось лишь 255. 408 чел., остальные 1½ распределялись следующим образом:

Горнорабочие	269.967 чел.
Текстильн. промышлен.	204.428 „
Главдежда	36.136 „
Химич. промышлен.	135.267 „
Почт.-тел. пр-сть	114 548 „
Метал. промышлен.	93.108 „
Государ. сооруж.	76.427 „
Кожевен. промышл.	70.000 „

Это „отступление“ военной промышленности продолжалось и дальше, и к декабрю 1921 г. группа военной промышленности занимала в ряду бронированного снабжения уже 8 место, охватывая лишь 118 т. чел. против 992 т. чел. транспорта, 294 т. ч. Главтекстиля, 290 т. ч. Наркомздрава, 356 т. ч. Наркомпроса, 135 т. ч. Главхима, 255 т. ч. металлистов, 207 т. ч. горнорабочих и 146 т. ч. Наркомпочтеля.

Таков путь, пройденный нами в 1919 году в деле индивидуального питания,—путь, все дальше и дальше уводивший республику от беспорядка, хаоса и бессистемности изначального периода революции, позволявший явственнее выкристаллизовывать то основное начало, которым проникнута наша продовольственная практика и которое можно обозначить в простой и ясной формуле: единство цели, формы и метода.

В этом направлении 1919 год сделал большие успехи и подготовил продовольственное дело к новым завоеваниям в 1920 году.

Однако, характернейшей особенностью распределенческой политики 1919 года являлось не только это систематико—организационное направление, но в неменьшей степени и усиленная борьба за торжество общественных методов снабжения.

Мы говорили о методе, так называемого, общественного питания, задуманного как одна из мер социального воспитания и социалистического строительства, но, к сожалению, не осуществившегося и оказавшегося в условиях первого периода революции несбыточной мечтой. История общественного (коммунального) питания тесно связана с историей детского питания, привлекая к себе самое энергичное внимание рабоче-крестьянского правительства с первых же дней революции.

Интересы детского питания с начала 1918 года — начальный год организованного снабжения — были все время господствующими. Предоставление матерям, кормящим детей грудью, права I категории продовольствен. пайка, а впоследствии установление материнских, особых детских карточек (декрет 14 сентября 1918 г.), создание особых „детских фондов“ за счет специального обложения трудящихся отчислением полудневного заработка, нетрудящихся — отчислением двухдневной квартирной платы и торговцев — 50% дневной

валовой выручки (декрет 5 ноября 1918 г.) и, наконец, усиленное питание школьников 1 и 2 ступени (декрет 10 марта 1919 г.)—вот правительственные мероприятия в защиту детских интересов.

Своего наивысшего развития эта защита получила в знаменитом декрете 17 мая 1919 г., предоставившем всем детям право бесплатного питания и провозгласившем внеклассовое значение детей, равных между собой независимо от их классового происхождения перед лицом матери—пролетарской революции.

Дети — не ответственны за дела отцов. Дети — цветы будущего, строители грядущего.

Эта гуманная идея легла в основание майского декрета и озарила его неугасаемым мерцанием величия.

В самый разгар схватки ожесточеннейшей классовой борьбы, которую вел в это время с буржуазией и помещичьим классом пролетариат, провозгласить обязательность для себя заботы о детях противника, морившего голодом твоих собственных детей, — до такого божественного величия могло подняться только трудовое государство, только рабоче-крестьянская власть!

Цивилизованные европейцы, расстреливавшие Парижских коммунаров вместе с женами и детьми, напрасно будут пытаться клеймить наше „коммунистическое варварство“ — у нас есть декрет о детских правах 1919 года и мы спокойно можем глядеть в прошлое...

Как мы сказали, колыбелью общественного питания в широком смысле этого слова было детское питание.

В инструкции Наркомпрода от 12 июля 1919 г. по проведению в жизнь бесплатного детского питания этому вопросу посвящались следующие строки: „Общественное питание является одной из крупных задач нашего социального строительства. Цели его огромны. Оно перевоспитывает общество, уничтожит, разобьет предрассудки мелко-буржуазного быта — „святость обособленного питания“ у себя на дому“.

Здесь выражалась глубокая коммунистическая мысль — разрушение мещанской психологии с ее культом домашнего очага и четырех вильгельмовских „К“—Kaiser, Kirche, Kinder, Küche (император, церковь, дитя, кухня): уничтожение замкнутости и обособленности; создание новых, общественных навыков жизни, подготовка нового, коммунистического быта.

Но это не единственная задача общественного питания. Продовольственный, топливный и, вообще, хозяйственный кризис, достигший в это время своего апогейного развития, требовал максимума бережливости и экономии.

Не нужно быть знакомым с Фурье и его бессмертным фаланстером, чтобы понять, какую колоссальную экономию создавали общественные кухни фабрики по изготовлению горячих и других обедов.

На этой точке зрения стояли и мы в 1919 году, когда указывали в уже цитированной инструкции, что „общественное питание — замена кустарного способа изготовления пищи в котле семейного очага общественно фабричным — особенно необходимо сейчас в период экономических невзгод как громадная экономия в топливе, продуктах и т. п.“.

Мы были слишком бедны в это время, вообще, и до ужаса бедны технически, чтобы можно было осуществить эти широкие и замечательные по своей идейности замыслы.

Глубокой самонадеянностью и дерзновенной верой в свои силы, глубоким оптимизмом и ерливым взлетом юношеского экстаза, сокрушающего гранитные горы, ломающего вековые дубы и низвергающего с высот самих боргов, дышали эти замыслы, требовавшие от школьных и коммунальных рабников такой организации общественного детского питания, при которой предписывалось горячую пищу развозить по школам из центральной кухни в специальных приборах (термосах)!...

Осуществление этого было тем более затруднительно, что постановлением Наркомпрода в июне 1920 года круг действия декрета 19 мая 1919 г. был значительно расширен, благодаря чему общее количество детей, подпадавших под его действие, возросло до $7\frac{1}{2}$ милл. душ.

Фактически, конечно, бесплатным коммунальным питанием пользовались не все дети и не по всем губерниям.

Раньше всего им пользовались дети призываемые — дети наркомпроса (224 т. ч.) и дети наркомздрава (74 т. ч.) и до $\frac{1}{2}$ милл. детей, столовавшихся из общественных кухонь, из которых на долю одной Москвы приходилось свыше 250 тыс. детей.

По другим городам и губерниям наиболее крупные цифры приходятся на Брянский район и Костромск. губ. (по 28.000 чел.), Калужск. г. (23.000 ч.), Вологодск. г. (21.000), Петроградск. г. (16.000 ч.) и Тверск. г. (14.000 ч.).

Пределами действительного питания и ограничивается обобществление дела снабжения в 1919 году и дальнейшие успехи его переходят уже за границу этого года.

II. Второй период: 1920 год — бронированно-целевое снабжение.

Мы говорили выше о большой организационной работе, поглотившей почти весь 1919 год, по сведению к системе и единству тех разнообразных и противоречивых форм и методов снабжения, которые наблюдались в это время в нашей распределенческой практике. Эта работа захватила и часть 1920 г. и лишь к началу второй четверти этого года завершилась изданием декрета, под именем декрета о трудовом пайке.

Еще в начале революции был провозглашен старый коммунистический принцип: „Не — трудящийся да не ест“, выражавший собой ту простую истину, что только труд дает право на жизнь и что всякий живущий обязан трудиться.

Однако, этот принцип не был осуществлен на деле ни в 1918, ни в 1919 году, как не был впрочем, осуществлен и в последующие годы.

В наших условиях, конечно, нельзя было ожидать скорого и последовательного проведения в жизнь этого принципа, требовавшего правильной и законченной организации всей общественной жизни на трудовых началах.

Но осуществление этого коммунистического лозунга могло мыслиться и в объеме, охватывающем не всю жизнь во всех ее плоскостях, не все ее области, а в более узком смысле, предполагающем область лишь государственно-хозяйственных отношений.

Дело шло, по крайней мере, о том чтобы распределение государственных материальных фондов подчинить этому принципу, предоставив право участия в нем лишь тем, кто трудится для государства и поскольку он для него трудится.

Ни одна распределенческая система, действовавшая у нас до 1920 г., не удовлетворяла даже этому ограниченному требованию.

В самом деле, обязано ли было государство кормить и снабжать всем необходимым всю эту массу деклассированной и полу-легальной буржуазии, занятой саботажем вперемешку с спекуляцией большого и малого масштаба? Могло ли, наконец, государство делать это по состоянию своих продовольственных ресурсов, и, особенно, так, чтобы от этого не пострадали интересы трудящихся, интересы пролетариата?

На оба вопроса, конечно, могли следовать лишь отрицательные ответы. Простой житейский расчет протестовал против подобного порядка вещей, требовал коренной реформы.

Таким протестом и явился декрет 30 апреля 1920 г., который должен был служить целям реформы в очерченном выше направлении.

Нельзя не указать и на то, что при существовавшей до 1920 г. системе распределения не было никакой возможности установить какой-нибудь учет целесообразности снабжения с точки зрения производительного расходования фондов.

Невысокие нормы снабжения *) при исключительно тяжелом материальном положении трудящихся не давали никаких гарантий производительного расходования производительных ресурсов.

Больше того, те данные, которые оказывались в распоряжении экономической статистики, свидетельствовали о крайне безхозяйственном расходовании этих ресурсов и буквально бессмысленном распылении их.

При существовавшем до 1920 г. положении вещей нельзя было удержать рабочих у станков, нельзя было, опираясь на продовольственную базу — ибо такой базы, вообще говоря, не было — требовать какой-нибудь производительности, выполнения какой-нибудь производственной программы, тем более, что и денежная заработная плата, в виду финансового кризиса, тоже была недостаточной.

Но даже и при высокой заработной плате в условиях жестокой монополии, царившей у нас до весны 1921 г., положение несколько не изменилось бы, раз продовольственный паек отвлекал рабочего, благодаря своей скудости, от производительного труда, бросая его в погоню за пудом муки или картошки.

Между тем, задача поднятия производительности труда была основной и важнейшей задачей, при разрешении которой только и можно было бы думать о дальнейших хозяйственных успехах. Возрождение хозяйственной жизни, укрепление хозяйственных достижений, борьба за эти достижения — вот лозунги, выброшенные в это время революцией на своих аванпостах.

Продовольствие и в этом случае, как и всегда, могло и должно было быть самым лучшим и верным оружием в борьбе за их завоевание. Это оружие в виде декрета о трудовом пайке и было пущено в ход 30 апреля 1920 года.

Основная идея этого декрета выражалась в двух моментах: исключение из круга снабжаемых нетрудовых элементов и усиление влияния продовольственной части заработной платы на производительность труда.

К этому присоединился и еще один момент: завершение организационной работы в направлении единообразия методов и форм распределения.

В силу первого принципа, декрет 30 апреля 1920 г. охватывал только трудящихся: 1) рабочих физического труда (карточка „А“), 2) лиц, занятых умственным и конторским трудом в советских предприятиях и учреждениях (карточка „Б“), 3) лиц, занятых в частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, не эксплуатирующих чужого труда (карточка „В“). Вторым принципом нашел себе выражение в тех статьях декрета, которые право на паек связывали с действительно проработанным временем. **)

Организационное единство методов снабжения достигалось тем, что одновременно с введением в действие декрета 30 апреля отменялись все ранее изданные постановления, кроме „Красной Звезды“, положения о снабжении мед.-сан. персонала, работавшего на тифозных эпидемиях, ***) и о „безплатном детском питании“.

*) Даже для бронированных категорий высших степеней нормы выражались в 30 ф. — 60 ф. муки, 7 1/2 — 15 ф. мяса-рыбы, 1 — 1 1/2 ф. жиров и т. п.

**) Ст. 1 декрета: „Производить распределение предметов среди трудового населения по единообразной для всей республики системе, установив выдачи продовольственного пайка за действительно проработанные дни и дни установленного тарифом отдыха“.

***) Постановление, 21 января 1920 г.

Что касается норм снабжения, то декрет 30 апреля, не фиксируя таковых, устанавливал лишь обязательное между категориями соотношение, приравняв его как 4:3.

Декрет 30 апреля 1920 г. был крупным шагом вперед. Но при всех своих достоинствах, он был порочен в самой своей основе, страдая старым дефектом, который выражался в господстве в нем „собезного“ начала.

Это „собезное“ начало искажало и обезображивало те ценные его свойства, которые мы отмечали выше.

Собезовский характер снабжения 1920 года выражался количественно следующим образом: общее количество потребителей, охватываемых действием этого декрета, достигало (без армии) 35 милл. чел., при чем рабочих ф.-зав. промышленности было $6\frac{1}{3}$ милл. чел. (с семьями), рабочих транспорта—4.767 тыс. чел., пользовавшихся общественным питанием—21.861 тыс. чел. и кустарей—2.020 тыс. чел.

Бросается в глаза не только общее громадное количество едоков (35 милл.), но и сравнительно незначительное количество рабочих транспорта и ф.-з. промышленности (11 милл. ч.) и вдвое большее количество кормящихся за счет производства „граждан“—вплоть до кустарей (22 милл. ч.)

Тридцатипятимиллионная масса потребителей даже при весьма незначительной норме потребления, колебавшейся номинально в 1920 г. между 45 ф и 15 ф. хлеба, фактически же державшейся еще на более низком уровне, часто спускавшемся до $\frac{1}{3}$ ф. в день, находилась в резком противоречии с продовольственными ресурсами Республики.

В исключительном, сравнительно, с другими группами потребителей, положении, как это мы говорили выше, были группы, так называемого, бронированного снабжения, но и здесь фактическая норма снабжения была значительно ниже номинальной.

Так, для всех бронированных потребителей в 1920 г.:

	Было назначено	Было выдано	% отношение выданного к назначен.
Муки	3.309.000 п.	2.079.000 п.	62,8
Мясо-рыбы	435,8 т. п.	245,5 т. и.	50,
Жиров	611,3 т. п.	17,3 т. п.	28 2
Сахара	611,3 т. п.	29,8 т. п.	48,6

Для отдельных же групп и по отдельным предметам питания процент невыполнения нормы снабжения оказывался еще большим, так что „бронированное снабжение“ не представляло собой тех реальных достоинств, которыми должно было бы обладать государственное снабжение.

Другой особенностью снабжения 1920 г.—и это являлось другим его существенным недостатком—было то, что расход продовольствия производился изо дня в день, из месяца в месяц без определенной, ясной и твердой перспективы.

Отсюда—перебои и кризис, достигавшие иногда размеров настоящего бедствия, потрясавшего, как это было, напр., в марте 1920 г., весь хозяйственный и государственный организм в глубочайшей степени.

Конечно, при общем недостатке продовольствия в стране, вообще, и в распоряжении государства, в частности, перебои и кризис не могут считаться невозможными даже при самой совершенной системе.

Но отсутствие плановой перспективы, как это было в 1920 г., всякий кризис делало неожиданным и внезапным, ставило государство перед его лицом в совершенно беспомощное положение и угрожало всему хозяйству опасной дезорганизацией.

Но, несмотря на все эти свои недостатки, трудпак и основанная на нем система снабжения, повторю, была шагом вперед, являясь выражением идеи трудового государства, строящегося на началах коллективного, государственного труда.

В полном соответствии с этим началом находилось и дальнейшее развитие общественного питания, сделавшего в 1920 г. значительные успехи.

Если 1919 г. в этом отношении ознаменовался рядом мероприятий в области общественно—детского питания, то 1920 г. отмечен торжеством общественного начала в области общего снабжения.

Первым шагом в этом направлении был декрет 17 января 1920 г. „об улучшении положения рабочих и служащих“ в советских учреждениях.

Этим декретом было признано необходимым организовать, в целях улучшения положения трудящихся, сеть бесплатных общественных столовых, организация и продуктивное снабжение которых возлагались на Наркомпрод, а для Москвы и Петрограда—на единые потребительские общества (МПО и ПЕПО).

Трудность организации таких столовых была, разумеется, чрезвычайно велика и хорошо сознавалась самим законодателем, устанавливавшим поэтому впредь до их организации обязательность для предприятий и учреждений отпускать обеды в существующих при них столовых за свой счет, при чем плата за обеды должна была взиматься по ценам, устанавливаемым соответственными потребительскими обществами.

2-го марта 1920 г. было издано специальное положение о финансировании дела общественного питания, но дальнейшее расширение круга его потребителей признавалось, по условиям продовольственных ресурсов Наркомпрода, невозможным.

Однако, спустя две недели (18—20 марта 1920 г.) от этого осторожного взгляда пришлось отказаться и, уступая давлению чрезвычайных обстоятельств и, главным образом, развивающимся по линиям железных дорог эпидемиям, распространить общественное питание на всю полосу отчуждения железнодорожной сети и железно-дорожников, в частности. Это мероприятие предполагалось осуществить путем соответственного приспособления железно-дорожных буфетов, столовых, ларей, чайных; организаций вагонно-столовых и т. п.

Инструкция 18—20 марта требовала быстрых и революционных мер в проведении этого дела в жизнь, предлагая не останавливаться перед аннулированием частно-арендных договоров и передачей в руки Узловых Потребительских Обществ буфетов вместе с личным составом, инвентарем и продуктовыми запасами.

Теперь, после пятилетнего опыта революции, нам ясно, что при всей своей революционности мероприятия в духе инструкции 18—20 марта не могли дать больших результатов: не было у нас необходимого организационного опыта, не было достаточно умелого и преданного общественному служению и общественным интересам кадра работников, не было, наконец, самого главного—общественных навыков, общественной психологии и еще более—достаточных технических средств.

Бюрократизм, бумажная казенщина, перепутанные с собатажем и хищничеством, испокон веков свивших себе на железных дорогах крепкое гнездо, обрекали, казалось, все дело общественного питания в условиях 1919—1920 годов на крупные неудачи, несмотря на весь героизм горсти берцов за идеалы коммунального питания.

Однако, несмотря на все свои неудачи, дело общественного питания продолжало расширяться и приобретать все более широкий круг потребителей.

Если, напр., в марте 1920 г. оно охватывало лишь рабочих и служащих Москвы, Питера, Иваново-Вознесенска и железнодорожников линий, проходящих по производящим губерниям, то 10 мая 1920 г. оно было распространено уже и на губернии потребляющие, охватив, таким образом, свыше 800.000 рабочих столиц и некоторых промышленных центров, с одной стороны, и свыше $\frac{1}{2}$ милл. рабочих транспорта, с другой.

В дальнейшем коммунальное питание охватило и ряд провинциальных городов с общим числом потребителей до $1\frac{1}{2}$ милл. чел., не говоря уже о таких клиентах, как больные (до 200.000 чел.), заключенные (до 115 т. ч.) эвакуируемые (до 300 т. ч.) и, наконец, составлявшие особую нашу заботу — курорты (Крым — 10 т. ч., Кавказ — 7 т. ч. и др. мелкие курорты — 14 т. ч.)

Острый продовольственный кризис, пережитый Республикой и в 1920 г. и во все, вообще, годы революции, служит объяснением как того исключительного значения и роли, которую сыграло в то время коммунальное питание, плохо ли, хорошо ли, а все же таки кормившее и поддерживавшее силы сотен тысяч изможденных людей, так и того сравнительно ничтожного размера и качества пайков, выдававшихся в общественных столовых: 580—780 калорий — обычная норма питательности коммунального обеда в 1920 г. — составляли лишь $\frac{1}{4}$ физиологической потребности взрослого работающего человека.

Суп из мерзлой картошки или крупы низкой кондиционности на первое и чечевича или горох на второе — вот обычное меню этих столовых, перед дверями которых толпами теснились голодные горьжане, тратя зачастую по несколько часов для того, чтобы получить место за коммунальным столом.

О, голодное, тяжелое, героическое время!..

Общественное питание, трудпайк, бронированный метод снабжения — все это оказывалось, однако, далеко недостаточным для поднятия производственной деятельности на должную высоту, к чему мы так энергично стремились. Нужно было искать новых путей, более реальных и творческих, ступив на которые можно было бы прийти к действительному восстановлению нашего хозяйства.

В годы исключительного обострения продовольственного кризиса, обесценения денежной валюты и усиления валютного значения пайка нужно было учесть именно это последнее обстоятельство и, заинтересовав рабочего и служащего получением продовольствия, поставить это в первую связь с выполнением производственной программы.

„Привязать рабочего к станку, писали мы в ноябре 1920 г., не может сейчас даже высокая заработная плата — деньги потеряли все свое обаяние божественного фетиша.“

Было очевидно, что только обеспечение работника известным, хотя бы минимальным количеством продуктов, обеспечивает его устойчивость у станка и на работе, а самая работа при этом становится наиболее интенсивной, дающей максимум производственного результата.

Это отчасти достигалось бронировкой предприятий известной, твердо-фиксированной нормой, введением натурпремирования, в качестве лишнего производственного стимула, — всем тем, что являлось отдельными моментами в той системе, которая носила общее название „целевого снабжения“ и с хорошими результатами применялась в лесозаготовительной работе, торфодобывающей промышленности, на военных заводах.

Премирование продовольствием и предметами широкого потребления („натурпремирование“) начало вводиться у нас с 8 июня 1920 г., когда было издано первое по этому вопросу постановление, известное под именем положения „О порядке утверждения проекта премирования“.

По этому декрету все дело премирования сосредоточивалось в руках ВЦСПС, на который возлагалась и выработка общего плана натурпремирования.

Фондом для целей премирования служило значительное количество материальных ресурсов, главным образом, продовольствия: хлеба—500,000 п., рыбы—300,000 п., соли—80,000 п. Премирование распространялось на военные заводы, транспорт, угольную и металлургическую промышленности, при чем нормы премирования были установлены двух видов: для 1-й группы (рабочие, технич. и высший администр. аппарат) — 17 ф. 12 л. муки, 4 ф. 16 л. соли, 1 ф. 28 л. рыбы и для II-й группы (коммер. и хоз. персонал) — 8 ф. 22 л. муки, 2 ф. 8 л. соли, 1 ф. рыбы при калорийности в 2700 единиц (максимум).

Постановлением Совета Труда и Оборны от 7 мая 1920 г. премиальный фонд был усилен 40 миллионами арш. мануфактуры, 10 мил. коробок спичек и 130,000 пудами соли специально для нужд транспорта.

Наиболее законченными и систематизированным характер натурпремирование приобрело с изданием „Временного положения“ от 23 октября 1920 года, детально определявшего условия, формы и порядок вознаграждения натурой в деле премирования.

Общее количество рабочих и служащих, подлежащих до 1 января 1921 премированию, определялась в 750 т. чел., при чем по союзам они распределялись следующим образом:

металлисты	260,676 чел.,		строители, деревообдел., печатники,
горняки	224,759 „		бумажники — по 8 т. с лишним чел.;
текстильщики	101,532 „		
химики	59,229 „		табачники и рабочие стекла и фар-
нарсвязь	30,000 „		фора — по 5 тыс. чел.
швейники	25,000 „		

Дальнейшее развитие натурпремирования связывается с новым курсом экономической политики и подчиняется тем новым условиям, в которые была поставлена промышленность, призванная проявить максимум своей творческой инициативы и производственных достижений.

Этому этапу в развитии принципа натурпремирования удобнее всего поэтому отвести место при рассмотрении дела распределения в свете новой экономической политики, наложившей на всю распределенческую политику и работу своеобразный и совершенно новый отпечаток.

Третий период: 1921 год—Государственное плановое снабжение.

За все четыре года революции (1917—1920 гг.) дело продовольственного снабжения испытывало не раз значительные потрясения, меняя, как это мы видели выше, не только формы, но и свои принципиальные основания.

Однако, при всех своих колебаниях и изменениях распределенческая политика всего этого периода была проникнута достаточно ярко выраженным началом единства, и ее можно было бы охарактеризовать одной формулой: *всеобщее государственное снабжение.*

1917—1919 гг. были годами разброда и организационных исканий. Нужно было найти наиболее экономически выгодную и удобную форму снабжения, согласующуюся с общими принципами государственной политики, стоявшей на пачве монополии и социализации, с одной стороны, и с ограниченностью продовольственных ресурсов Республики, с другой.

При господстве государственной монополии, исключавшей какую бы то ни было возможность частной хозяйственной деятельности как в сфере обще-экономической, так и продовольственной, исключалась, само собой разумеется, и возможность предоставлять какие бы то ни было группы населения своим собственным заботам.

Государство не имело ни нравственного основания, ни логики заявлять 3-ей и 4-й категориям: „кормись сам, как ты знаешь и умеешь“.

Государство обязано было кормить всех: вот почему мы должны были распределять свои ограниченные ресурсы среди такого множества потребителей.

Распределять!.. Можно ли, однако, говорить о распределении, когда на 1 фун. хлеба приходилось 8—10 едэжков? Ни о каком распределении, ни о каком снабжении, конечно, не могло быть и речи. Мы страстно, но почти бесплодно искали выхода из безвыходного положения вплоть до 1920 года, когда, казалось, выход был найден в системе трудпайка.

Но это только „казалось“. Принципы трудпайка в жизнь провести так и не удалось до самого конца его действия.

И причина этого вполне понятна: она лежит в тех исключительных технических трудностях, через которые нужно было пройти, чтобы осуществить основную идею этой системы—каждому дать столько продовольствия, сколько соответствует действительно проработанному им времени.

На деле, однако, мы были абсолютно не в силах осуществить это, несмотря на все хитроумные выдумки специальных карточек с 64 купонами.

Не было никакого преувеличения в словах одного из докладчиков на III-ем Всероссийском Продовольственном Совещании, которым утверждалось, что, когда говорят о снабжении всего трудового населения, это говорят только теоретически—на деле же, практически было совсем не так.

Думали найти выход из положения в бронированно-целевом снабжении, но и оно мало меняло дело.

Положение оставалось, как это, впрочем, нам было ясно уже и тогда, угрожаемым.

„Из всей массы потребителей, состоявших на государственном снабжении, говорили мы, мы выбрали маленькие крупки, которые пытались снабжать в ударно-целевом порядке.“*

„Но смешно и утопично говорить и думать серьезно, что 1—1½ ф. на рабочего разрешают вопрос о крупной промышленности“, говорили на том же совещании и другие докладчики.

Между тем, именно так „утопично и смешно“ не только думать и говорить, но даже действовать вынуждены мы были, стиснутые железными клещами голода, бившиеся и метавшиеся между молотом монополии и наковальной нищеты в продовольствии.

Но это была не вина наша, а беда наша—беда разоренной и обокраденной помещичьими и капиталистическими бандитами страны.

1921 год внес в дело распределения решительные изменения, и эти изменения стояли в связи с общим переломом во всей нашей хозяйственной жизни, ставшей на новые рельсы.

Наша распределенческая политика всегда была чрезвычайно тесно связана с обще-хозяйственным направлением государственной жизни; мы видели яркие примеры этого в прошлые годы, в годы монополии и разверстки с неумолимой логичностью приводивших к принципу всеобщности в деле снабжения. Без этой связи обойтись никак нельзя было. Вот почему совершенно прав был т. Ленин, когда на 3 Всероссийском Продовольственном Совещании, обращаясь к собравшимся, он говорил: „Быть только продовольственным нехозяином. Надо быть экономистом, оценивающим каждый соответствующий шаг работы в связи с работой всех экономических Наркоматов и все результаты этой работы.“

Продработка, действительно, никогда и не была только продработой.

*) См. мой доклад на III-ем Всерос. Прод. Совещании на тему: „Бронированное снабжение в связи с вопросами всегосударствен. снабжения.“

Продрабѳта была в течение всей революции лишь одним из наиболее ярких моментов нашей общеэкономической работы, отражая в себе все типичные особенности последней.

В свете новой экономической политики, основная идея которой заключается в смычке с крестьянством, в создании таких форм отношений между крестьянством и пролетариатом, которые „создали бы союз, хозяйственно удовлетворяющий обе стороны“, связь общей экономики с продовольственной экономикой и особенно значение ее становилось особенно рельефной.

„Главная задача продовольственного совещания, говорил тогда же т. Ленин, заложить фундамент нашей экономической политики“.

Но этот фундамент должен был быть заложенным не только в области заготовительной, но и в меньшей степени в области распределительной работы.

Первый вывод, который надлежало сделать из новых обстоятельств, заключался в признании необязательности поголовного снабжения.

Отказ от монополии, открытие рынков, свобода самозаготовки и, наконец, полная свобода обменных операций (товарных и денежных) с неизбежностью приводили к необходимости пересмотреть старые основания, принципы и методы распределения и заменить их новыми, соответствующими новым жизненным требованиям.

Не боясь быть парадоксальным, можно сказать, что именно в этих изменившихся условиях явилась возможность осуществить заветные идеи классового трудового пайка.

Вот теперь, когда государство сняло с окружающей его стихии запрет заботиться о самом себе, государство получило и право, и возможность заботиться о тех, во имя кого идет борьба, падают жертвы, строится будущее.

Вот теперь государство в праве сказать всей этой, опутавшей его и источающей его кровь и лучшие соки массе буржуазных паразитов: „Прочь от меня. Заботься о себе сам. Пользуйся своей свободой во славу живота твоего. Мне нет до тебя дела—мои силы, заботы и мысли принадлежать другому“...

И действительно отдать весь свой разум и все свое сердце этому другому—строющему свое освобождение пролетариату.

Перед нами стала, таким образом, задача пересмотра контингента снабжаемых государством потребителей и пересмотра самого радикального.

Этот пересмотр, однако, не мог рассматриваться как совершенно самостоятельная, обособленная задача.

Нужно было его теснейшим образом связать с решением общих задач производственного характера, подчинив интересам производственной программы.

Вот почему работа, которую обязал нас проделать 1921 год, была отнюдь не работой механической, работой простого счетного характера.

Что означало положить продовольствие как фундамент всей экономической жизни?

Это означало и могло означать только одно: целесообразной и хозяйственной системой распределения обеспечить планомерную и активную жизнь всего промышленного хозяйства.

„Думать тогда, говорил т. Ленин, когда речь идет о распределении продовольствия, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть *метод и средство для повышения производства*“.

В этих последних словах заключается расшифровка всей распределительской политики на 1921-22 хозяйственный год.

„Метод и средство для повышения производства“—эти метод и средство мы видели и, как показала практика двух последних лет, видели совершенно правильно в построении устойчивого, крепкого годового государственного плана снабжения.

И до 1921 года у нас были планы снабжения. Но планы предыдущих периодов отличались неустойчивостью, отсутствием твердости. В них сверхплановые и внеплановые назначения нередко конкурировали с плановыми, превышали их, оттирали на вторую линию.

При таком положении вещей вполне естественным оказывалось то качество всей хозяйственной линии, которое характеризуются постоянным и неуклонным падением уровня хозяйственной жизни с чрезвычайно редкими промежутками устойчивости и почти отсутствующими моментами подъема.

„Обрести устойчивость, писал я по поводу этого госплана,* твердость линии хозяйственное строительство может лишь при устойчивости и твердости продовольственного базиса. Именно этой цели и служит государственн-ный план снабжения, осуществляемый ныне и далее в течение всего 1921-22 хозяйственного года.“

Государственный план снабжения 1921—22 г. имел, таким образом, своей целью служить хозяйственному возрождению страны, распределяя между потребителями продовольствие так, чтобы каждый пуд муки, мяса, жиров расходовался лишь на хозяйственные и строго определенные цели с максимальным производственным эффектом.

Конечно, авторы этой системы далеки были от того, чтобы придавать ей какую-то окаменелость и неподвижность. Жизнь не терпит застывших форм и формул; она неуклонно их подвергает изменениям, внося свои коррективы, дополнения, исправления.

Учитывая это последнее обстоятельство, госпланом 1921—22 года предусматривался особый резервный фонд, отданный в распоряжение Центральной Комиссии по Снабжению Рабочих,—это был фонд необходимого маневрирования и корректирования плана.

При всей своей важности, он был невелик, составляя лишь 3,1% всей расходной сметы. В этом отношении между плановой и резервной (маневровой) частями плана, определяемом, как 97:3, заключается лучшая иллюстрация нашей мысли о полном подчинении внеплановых расходов плановым, что так решительно отличает метод расходования продовольственных ресурсов в 1921—22 году от всех предшествующих лет.

Организационными особенностями госплана была, однако, не только эта его „плановость“, но и годичность.

До того планы строились из месяца в месяц, а это создавало, если можно так выразиться, „плановую слепоту“—мы не видели будущего, мы не знали перспективы и шли вперед с закрытыми глазами.

Госплан 1921—22 г. был годовой. В нем мы осмелились заглянуть в будущее, предусмотреть, предвидеть будущее.

Это была первая попытка *управлять продовольствием*: ведь управлять, значит, предвидеть...

Таковы были его организационные особенности. Но этим характеристика госплана не исчерпывается.

Второй и весьма существенной чертой его являлось значительное сокращение круга потребителей. Вместо 35 милл. едоков 1920 г., в 1921—22 году их было не более 7 милл.

Интересно обратить внимание на внутренний состав снабжаемых групп. Самой большой по своему количественному составу являлась группа рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности—1,150 тыс. едоков (и

* См. Сборник. „Годовой план государства. снабжения на 1921—22 г.“

столько же членов их семей); за ней шла транспортная группа — 900 т. чел.; советские служащие — 350 т. чел., работники предприятий Наркоматов — 530 т. чел., учащие и учащиеся, всерабис и пр. — 370 т. чел.; дети — 500 т. ч. призываемые, больные, заключенные — 525 т. ч. * Таким образом, на 4,100,000 рабочих транспорта и промышленности (с членами их семей по расчету 1:1) советских служащих приходится лишь 700 тыс. чел. (также с членами семей по тому же расчету), т. е. не более 17%, и призываемых 525 т. чел. т. е. 12,8% общего числа производственников.

Не менее интересно познакомиться и с общим планом распределения продресурсов в 1921—22 году.

Весь приход в этом году по хлебу фуражу был исчислен в 237 мил. пуд., и весь расход должен был составить 239 мил. пуд. при месячном расходе специально на снабженные нужды в среднем в 14,6 м.п.

Помимо хлебного пайка, госплан 1921—22 гг. предусматривал плановое расходование мясо-рыбных продуктов, жировых, соли, сахара и чая (или чайно-кофейного напитка).

Сокращение потребителей сопровождалось увеличением нормы, колебавшейся от 90 ф. (удвоенная норма, считая и члена семьи) до 37,5 ф. для призываемых по хлебо-крупке, от 5 ф. до 8 ф. по мясо-рыбе, от 1 ф. до 1½ ф. по жирам, от 1½ до 2 ф. по соли, по ½ до ¾ ф. по сахару. Если принять во внимание, что в 1920 г. наивысшая норма хлеба выражалась в 42 ф., мяса — в 4 ф. и жиров — в ¾ ф., по Госплану же эта норма соответственно повышается до 90 ф. и 45 ф., 7,5 ф. и 15 ф., 1½ и 2 ф., то выгодное отличие действовавшего в 1921—22 г. плана снабжения от всех других лет станет само собой очевидным.

Повышение нормы снабжения (особенно по хлебо-крупке) само по себе должно было играть определенную роль в смысле повышения интенсивности труда. Но роль эта становилась еще значительней, вследствие того, что продовольствием распоряжались, по существу говоря, хозяйствующие органы, получавшие это продовольствие в качестве фондов.

Это начало *фондирования продовольствия* являлось совершенным новшеством.

Продовольственные фонды, казначаемые отдельным Наркоматам, расходвались не по карточкам, как это было ранее, а по спискам, при чем вся ответственность за правильное и целесообразное расходование этих фондов возлагалась исключительно на держателей их, и, таким образом, роль продорганов (Губраспредов) сводилась лишь к контролю и наблюдению за расходованием продовольствия по назначению, а не как либо иначе. Это довольно либеральное новшество на практике отличалось еще большим либерализмом, в некоторых случаях приводившим к тому, что фонды эти расходвались не по фактическому, а по штатному количеству рабочих, на чем, конечно, предприятие сплошь и рядом существенно выигрывало.

Надо сказать, что уже раньше это фондовое начало нашло свое выражение в другой форме, установленной в виде опыта и в ограниченных пределах декретом Совета Труда и Обороны от 18-го июня 1921 г. под хорошо известным и широко популярным названием „коллективного снабжения“.

Коллективное снабжение — это снабжение работника в зависимости от результатов его работы, но не взятого самого по себе, собособленно, а в связи со всем заводским или фабричным коллективом, со всей выполняющей им производственной программой.

Именно эта мысль и выражалась в ст. 3 декрета 18 июня, гласившей, что „количество продуктов и денежных знаков, отпускаемых в качестве

*) Все группы, кроме призываемых и учащихся, удваиваются, ибо в расчет принимаются члены семей по одному на каждого основанного едра.

заработной платы рабочим и служащим каждого предприятия, определяется для каждого предприятия в целом, т.-е. коллективно для всех его рабочих и служащих“.

Вся заработная плата—и денежная и продовольственная (это последнее теперь уже рассматривается, как продовольственная часть общей заработной платы) выдается предприятию в соответствии с результатами его работы, а не по числу внесенных в его список работников.

Каждый отдельный работник получает заработную плату такой высоты, которая соответствует высоте выполнения производственной программы данного предприятия.

Таким образом, формой коллективного снабжения устанавливалась прямая и непосредственная заинтересованность каждого работника в судьбе своего предприятия, в ходе его работ, в успехах и удачах его.

Применяемое сначала в ограниченных пределах, коллективное снабжение вскоре стало широко распространяться на многие группы не только фабр.-заводской промышленности, но и на служащих советских учреждений Москвы и Петрограда (декрет 12 июня 1921 г.).

Успехи распространения коллективного снабжения характеризуются следующими данными, относящимися к периоду времени с I/УП по I/ХI—1921 г.

В июле было на коллективном снабжении 6 165 чел., в августе—113.010 чел., в сентябре—135.343 чел., в октябре—397.451 чел.

Эти 397.451 рабочих распределялись по категориям промышленности следующим образом: металло-обрабатывающая—248.968 чел., жел.-дорож.—72.670, нефтепромышленность—12.000 ч. и прочие от 6.700 чел. (бумажн.) до 500 ч. (спичечная).

Значение, которое принадлежит коллективной форме снабжения в деле восстановления нашей промышленности, огромно.

Производительность труда, не поддававшаяся до коллективного снабжения никакому воздействию и фатально падавшая, под влиянием этого метода оплаты труда стала заметно повышаться, достигая в некоторых случаях изумительно-высокого уровня.

Это можно видеть по следующей таблице:

	Заводы металло-обрабатывающей промышленности.			Заводы текст., кожев., эл.-т., стекл. и др.		
	До войны.	До колл. снабж.	При колл. снабж.	До войны.	До колл. снабж.	При колл. снабж.
Прогулы	9%	38%	13%	7%	26%	11%
Производ. труда	100%	52%	80%	100%	46%	75%
Выпол. произв. программы.	100%	81%	123%	100%	90%	135%

Таким образом, коллективное снабжение и сокращало прогулы, и содействовало повышению производительности труда, что, в свою очередь, весьма благотворно влияло на выполнение производственной программы, поднимая его до 123—135% против довоенного уровня.

Коллективное снабжение имело еще и ту положительную сторону, что оно содействовало отбору классово-чистого пролетариата, концентрировавшегося и терявшего свое состояние распыленности, очищавшегося от чуждых ему элементов, прибывших к его берегам грозой и бурей войны и революции.

На ряду с формой коллективного снабжения, в которой, таким образом, наиболее резко выразился тарифный характер продовольственного снабжения, применяемого в 1921—22 году, сделало дальнейшие успехи и натурпремирование.

Мы видели выше, что еще при старых продовольственных методах натурпремированию было уделено значительное внимание—при общем недостатке продуктов выделение 12 милл. фонда муки служит достаточным подтверждением этого.

Но и в этом случае, как и во многих других, натурпремирование не могло развернуться—его не одухотворяла живая творческая инициатива, скованная условиями старой экономической политики.

После 21 марта 1921 г. это препятствие было устранено. Натурпремирование получило живой источник и реальную цель—источник лежал в возможности отчисления известного процента продукции в специальный фонд, реальная же цель—в возможности выбросить этот фонд на рынок, пустить в обмен для удовлетворения своих текущих нужд.

Этот именно смысл и заключался в декрете 9 апреля 1921 г., открывавшем большее творческое поле деятельности тем отраслям промышленности, на которые он был распространен дополнительным постановлением Совнаркома от 13 мая 1921 г. Таких отраслей промышленности это постановление насчитывало шестнадцать: текстильную, табачную, спичечную, посудную, крахм.-паточную, соляную, мыловаренную, кондитерскую и т. п.

При коллективном снабжении премиальный фонд подлежал распределению между отдельными работниками, согласно правил, которые были установлены декретом 13 мая.

Итоги 1921—22 года, таким образом, выражались в усвоении всей распределенческой системой следующих основных свойств и направлений: твердый годовой план, производственная цель и премиально-коллективные методы достижения этой цели.

Каковы же были реальные результаты этого года и его влияния на обще-хозяйственную конъюнктуру? Каковы были фактические достижения? Какие уроки должны быть извлечены для будущего? С каким опытом, с какими добытыми этим опытом, знаниями в области распределенческой теории и практики мы завершаем первое великое пятилетие пролетарской революции и вступаем в новое?

Вот ряд вопросов, ответы на которые необходимо дать, несмотря на то, что мы еще не успели отойти от работы этого года на расстояние, столь необходимое для объективной и верной оценки явления.

Государственный план снабжения 1921—22 г. *) удалось осуществить не в полной мере. Общий годовой расход по этому плану на удовлетворение потребностей оставленных на государственном снабжении групп потребителей (армия, транспорт, промышленность, а также семсуда) был исчислен в 239 милл. п., между тем фактически оказалось возможным израсходовать лишь 205 милл. п., считая в том числе и заграничные поступления в 38 милл. пудов.

Если ежемесячный расход нормально должен был выражаться в среднем в 14,6 милл. п. хлеба-фуража, то фактически он едва достигал 10 милл. п. (9,5 м. п.).

Это, конечно, отнюдь не являлось делом случайности, но стояло в прямой зависимости от хода заготовительных операций и наблюдавшихся здесь перебоев, выразившихся в снижении общей заготовки на 20% против первоначально предполагавшейся. По первоначальному расчету предполагалось заготовить хлеба-крупы и зерно-фуража 180 мил. пуд. по РСФСР и

*) Утвержден декретом 28 сентября 1921 г.

57 мил. пуд. по Украине, а всего 237 мил. пудов, впоследствии эти предположения пришлось уменьшить, снизив заготовку до 215 мил. пуд., на деле же к концу заготовительной кампании весь приход выразился лишь в 194 м. п., при чем в это количество вошло и 30 мил. пуд. заграничного хлеба.

Причины такой значительной неудачи в заготовительном деле ясны сами собой — небывалый в наших летописях голод, выбивший из строя Поволжье, Сев. Кавказ и Украину, своим тяжким дыханием коснувшийся даже далекой и богатой Сибири, ударил раньше всего по заготовительной работе.

Целые громадные районы оказалось необходимым освободить от всяких налоговых обязательств или снизить их до предела.

Вот почему и в области распределения первоначальные расчеты не могли на деле оправдаться и обозначили в значительной степени крушение государственного плана снабжения.

И если при всех тяжелых условиях голода план снабжения все же оказалось возможным осуществить, хотя и не в полном объеме первоначальных предположений, то лишь вследствие двух обстоятельств, заслуживающих быть отмеченными.

Первое заключается в том, что этот план был годовым. Имея перед собой годовую перспективу, Наркомпрод получал возможность во время заметить угрожавшие делу снабжения опасности и принять необходимые к их устранению меры.

Только благодаря своевременному приспособлению к приходной части общегосударственного расхода явилась возможность сравнительно безболезненно пережить продовольственные невзгоды этого года.

Второе — в течение всего этого года было проявлено центром максимальное внимание к делу расходования продовольствия на местах.

В прошлом мы почти не имели сколько-нибудь налаженного учета расхода, мы почти не умели влиять в этом направлении на политику и практику местных наших органов.

В 1921 г. это резко изменилось. Ряд организационных мер — съезд и конференция распределчиков, единообразное и сравнительно несложное ин-структирование местных работников в деле учета, создание общей и достаточно простой учетно-статистической системы, с одной стороны, и твердая, и во время настаивающая местные уклонения от предначертаний центра, рука, с другой, привели к тому, что дело расходования продовольствия в республиканском масштабе улучшилось, упорядочилось, стало более согласованным и координированным в целом.

Стоит просмотреть сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу за 1921 г.*), чтобы убедиться в том, как зорко и неуклонно наблюдали органы центральной власти за местной работой, вводя ее в жесткое русло исполнительности и дисциплинированности.

Уже 21 марта 1921 г. Совет Народных Комиссаров подтверждает исключительное право продовольственных органов на какие бы то ни было распоряжения и мероприятия в продовольственной области, запрещая всякое вмешательство в эту сферу всех других органов власти.

4 июня 1921 г. этому вопросу посвящают свое внимание Президиум ВЦИК, СТО и ЦКпартии, за совместными подписями, дающие на места циркулярное распоряжение, в котором констатируется, что „за последнее время обнаружено в отдельных губерниях издание местными Губисполкомами, а иногда и Губкомами постановлений, которыми в корне нарушаются распоряжения центра и изменяются установленные центром планы государственного снабжения что, несомненно, вносит дезорганизацию и способствует работе врагов советской власти, подрывая авторитет последней“, указывается

*) См. кн. УП. стр. 253 и след.

на недопустимость издания местных постановлений подобного рода и требует прекращения таких явлений, с напоминанием о самой суровой ответственности виновных перед Республикой.

7 июля 1921 г. почти аналогичное постановление выносит Президиум ВЦИК, приказав ВЧК установить специальный надзор за исполнением настоящего постановления местными органами власти.

9 сентября 1921 г. Президиум ВЦИК с подобного рода требованиями обращается в Губисполкомы и Губэконосы.

Затем 13 и 27 сентября центральные органы власти вновь обращают внимание мест на экономное и основанное исключительно на плановых распоряжениях Наркомпрода расходование продовольствия, при чем на Губпродкомы возлагается обязанность создать к 1 февраля 1922 г. резервный местный фонд, с тем, чтобы можно было приступить к расходованию его в случаях исключительной важности и в связи с обнаруживающимися перебоями в снабжении.

Это последнее распоряжение было особенно целесообразно и имело наиболее важные последствия. 15 губерний создали фонд в 100% задания, другие в 50—75% и предотвратили у себя впоследствии серьезные осложнения, неотвратимые при других обстоятельствах.

Самые тяжелые месяцы этого года пришлось на апрель—июль, когда близилось окончание голодного года, когда ввозные перспективы были в самом плачевном виде—перестала слать в центр свой хлеб Украина, не хватало сил вывозить хлеб из Сибири и Киргизии, запаздывал и нерегулярно подходил хлеб, закупавшийся за-границей.

В это именно время резервным фондам и пришлось проявить свое исключительное значение.

Таким образом, героические меры законодательного, административного и организационного значения спасли госплан от тех потрясений, которые были неизбежны при других обстоятельствах, которые мы пережили в прошлом даже при лучших условиях.

Практика государственного плана снабжения 1921—22 г. должна была научить нас большей гибкости и эластичности в плановых расчетах, вызвать в нас стремление к более планомерной, органической (а не «героической») работе.

Нужно меньше рассчитывать на героизм и самоотверженность: хозяйственная работа требует больше расчетливости и изворотливости.

Нужно меньше надеяться на то, что центр сделает все и за всех: больше самостоятельности и простора хозяйственному творчеству и инициативе.

За два последних года мы научились в этом отношении многому. Мы научились рассматривать продовольствие, не просто как продовольствие, а как материальные ценности, как бюджетную, так сказать, единицу. За это время произошло громадное сближение между продовольственными и финансовыми понятиями.

Продовольствие стало терять свою специфически-снабженческую физиономию. Выдаваемое потребителям, оно стало в последнее время фигурировать как тарифная единица, будучи составной частью заработной платы.

При изменившихся условиях конца этого года и начала нового 1922—23 хозяйственного года, продовольствие должно и может рассматриваться уже не как тарифная масса, а как масса государственных ценностей, которой государство в праве распоряжаться в общем порядке денежного обращения.

Продовольствие, таким образом, перестает быть ценностью *sui generis*, каким—то потребительским истуканом, не способным менять в хозяйственной игре своей роли—наоборот, оно становится величиной, подчиняющейся

всем законам товарного обращения, выступающей то в одной роли, в виде об'екта потребления, то в другой—в виде об'екта купли-продажи.

Государство должно в этом отношении развязать себе руки; оно должно по отношению к своим 312 мил. пуд. ржаных единиц, которое оно ожидает получить в 1922—23 году по единому натуральному налогу, для распределения чувствовать себя так, как всякий хозяин.

В этом разрушении продовольственного фетишизма, как пережитка до налоговой эпохи нашей революционной истории, и заключается на наш взгляд основной урок, извлекаемый нами ныне из опыта прошлого.

В новое революционное пятилетье мы, продовольственники, вступаем, таким образом, не с пустыми руками: мы подошли к тому моменту своего состояния, когда сбываются слова нашего вождя и учителя: „Быть только продовольственником нельзя. Нужно быть еще и экономистом“.

Продовольственное дело перестает быть делом продовольственников.

Оно становится делом экономистов, превращая нас в хозяйственников и само превращаясь в живой кусок государственно-хозяйственного организма.
